

Николай Кузанский
Об ученом незнании.

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

О ТОМ, ЧТО ЗНАНИЕ ЕСТЬ НЕЗНАНИЕ ²

2 Во всех вещах мы замечаем дарованное богом естественное стремление существовать наилучшим образом, какой только доступен природе данного свойства. С той же целью действуют, располагая нужными орудиями, существа, которым прирождена отвечающая задаче познания способность суждения, благодаря чему их стремление не остается напрасным и достигает покоя в желанной основе собственной природы. Если иногда происходит иначе, то это обязательно следствие привходящих обстоятельств, например, когда от болезни извращается вкус или от ложных мнений — рассудок. Поэтому мы говорим, что здоровый свободный интеллект схватывает в любовных объятиях и познает истину, которую ненасытно стремится достичь, озирая весь мир в неустанном беге, и не сомневаемся в истине того, с чем не может спорить ни один здоровый ум.

3 С другой стороны, все исследователи судят о неизвестном путем соразмеряющего (*proportionabiliter*) сравнения с чем-то уже знакомым, так что все исследуется в сравнении и через посредство пропорции. Когда искомое сравнивается при этом с заранее известным путем краткой пропорциональной редукции, познающее суждение незатруднительно, и, наоборот, когда требуется много промежуточных звеньев, возникают трудности и неясности, как известно в математике, где начальные положения редуцировать к первым самоочевидным принципам проще, а последующие труднее, потому что надо обязательно проходить через те начальные. Итак, всякое разыскание состоит в более или менее трудном сравнивающем соразмерении. По этой причине бесконечное, как таковое, ускользая от всякой соразмерности, остается неизвестным.

Соразмерность, означая вместе и сходство в чем-то общем и различие, не может быть понята помимо числа. Поэтому все

соразмерное так или иначе охватывается числом. Причем число состоит не только в количестве, образующем пропорцию, но и в любом дру-

50

гом субстанциальном или акцидентальном сходстве или различии³. Наверное, ввиду этого Пифагор рассудил, что все и образуется и постигается благодаря силе числа⁴.

4 Но последняя точность сочетаний в телесных вещах и однозначное приведение неизвестного к известному настолько выше человеческого разума, что Сократ убедился, что он знает только о своем незнании; премудрый Соломон утверждал, что все вещи сложны и неизъяснимы в словах; а еще один муж божественного духа сказал, что мудрость и место разума таятся от глаз всего живущего⁵. Поскольку это так и даже глубочайший Аристотель пишет в “Первой философии”, что природу самых очевиднейших вещей нам увидеть так же трудно, как сове—солнечный свет⁶, то ясно, если только наши стремления не напрасны, что все, чего мы желаем познать, есть наше незнание.

Если мы сможем достичь этого в полноте, то достигнем знающего незнания. Для самого пытливого человека не будет более совершенного постижения, чем явить высшую умудренность в собственном незнании, всякий окажется тем ученее, чем полнее увидит свое незнание. Ради этой цели я и взялся за труд написать кое-что о научении такому незнанию⁷.

ГЛАВА 2

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР НИЖЕСЛЕДУЮЩЕГО

5 Собираясь говорить о высшем (maxima) искусстве незнания, я обязательно должен разобрать природу самой по себе максимальной. Максимумом я называю то, больше чего ничего не может быть. Но такое преизобилие свойственно единому. Поэтому максимальность совпадает с единством, которое есть и бытие⁸. Если такое единство универсальным и абсолютным образом возвышается над всякой относительностью и конкретной

ограниченностью⁹, то ему ничего и не противоположно по его абсолютной максимальнойности. Абсолютный максимум есть то единое, которое есть все; в нем все, поскольку он максимум; а поскольку ему ничто не противоположно, с ним совпадает и минимум. Тем самым он пребывает во всем;

51

в качестве абсолюта он есть актуально все возможное бытие и не определяется ничем вещественным, тогда как от него — все. Этот максимум, в котором, несомненно, и видит бога вера всех народов, я постараюсь под водительством Того, Кто один обитает в неприступном свете¹⁰, исследовать как превышающую человеческий разум непостижимость в своей первой книге.

6 Во-вторых, как абсолютная максимальность есть абсолютное бытие, благодаря которому все вещи суть то, что они суть, так универсальное единство идущего от него бытия — тоже максимум, исходящий от абсолюта и поэтому существующий в конкретной определенности как Вселенная; соответственно, его единство определилось в множество¹¹, вне которого не может существовать. Хотя своим универсальным единством этот максимум охватывает все, так что все получающее бытие от абсолюта — в нем и он — во всем, однако он не имеет самостоятельного существования (subsistentiam) вне множества, в которое он определился, то есть вне конкретности, от которой он неотделим, его нет. Этот максимум, Вселенную, я коротко опишу во второй книге.

7 Наконец, в нашем третьем рассуждении пойдет речь о явленности максимума. Поскольку Вселенная самостоятельно существует только в конкретном множестве, среди самого этого множества мы будем разыскивать единый максимум, в котором Вселенная как в своей конечной цели актуально существует максимальным и совершеннейшим образом и который поэтому соединяется с абсолютом, всеобщим пределом. Об этом максимуме, последнем совершенстве, превышающем всякую нашу способность понимания, вместе конкретном и абсолютном, которому имя Иисус вечно благословенный, я тоже прибавлю немного, смотря по тому, что сам Иисус внушит.

8 Желаящий проникнуть в суть дела пусть не задерживается на

буквальном значении отдельных выражений, которые не могут удовлетворительно соответствовать высшим духовным таинствам, а поднимается пониманием над смыслом слов. Приводимые для руководства примеры читатель тоже должен трансцендировать, покидая чувственное, с тем чтобы скорее подняться к простому умному виденью. Я попытался как можно яснее показать путь к нему для обычных умов,

52

избегая всякой путаницы стиля и с самого начала заявляя, что корень знающего незнания — в понимании неуловимости точной истины.

ГЛАВА 3

О ТОМ, ЧТО ТОЧНАЯ ИСТИНА НЕПОСТИЖИМА

9 Из самоочевидной несоизмеримости бесконечного и конечного совершенно ясно также, что там, где мы имеем дело с превышаемым и превышающим, нельзя прийти к простому максимуму (*maximum simpliciter*):

превышаемое и превышающее конечны, а такой максимум необходимо бесконечен. Том самым для любой данной вещи, кроме этого максимума просто, явно мыслима и большая. Поскольку в равенстве мы тоже видим ступени — среди подобных вещей одна больше равна другой, чем третьей, смотря по сходству и различию рода, вида, места, влияния¹² и времени,— то, конечно, нельзя найти ни нескольких, ни даже двух вещей, так подобных и равных друг другу, чтобы они не могли бесконечно становиться еще более подобными. Соответственно мера и измеренное при любом их равенстве тоже всегда останутся разными.

10 Наш конечный разум, двигаясь путем уподоблений, не может поэтому в точности постичь истину вещей. Ведь истина не бывает больше и меньше, она заключается в чем-то неделимом и, кроме как самой же истиной, ничем в точности измерена быть по может, как круг, бытие которого состоит в чем-то неделимом, не может быть измерен не-кругом. Не являясь истиной, наш разум тоже никогда не

постигает истину так точно, чтобы уже не мог постигать ее все точнее без конца, и относится к истине, как многоугольник к кругу: будучи вписан в круг, он тем ему подобнее, чем больше углов имеет, но даже при умножении своих углов до бесконечности он никогда не станет равен кругу, если не разрешится в тождество с ним¹³.

Итак, об истине мы явно знаем только, что в точности, как есть, она неуловима: наш разум относится к истине, как возможность — к абсолютной необходимости, не могущей быть ни больше, ни меньше, чем она есть. Недаром суть (quidditas) вещей, истина сущего, непостижима в своей чистоте, и, хоть философы

53

ее разыскивают, никто не нашел ее как она есть. И чем глубже будет наша ученость в этом незнании, тем ближе мы приступим к истине.

ГЛАВА 4

АБСОЛЮТНЫЙ МАКСИМУМ, СОВПАДАЯ С МИНИМУМОМ, ПОНИМАЕТСЯ НЕПОСТИЖИМО

11 Поскольку максимум просто, больше которого абсолютно ничего не может быть, как бесконечная истина превышает всякую способность нашего понимания, мы постигаем его только через его непостижимость. Не принадлежа по природе к вещам, допускающим превышение и превышаемое, он выше всего, что мы способны себе представить: все воспринимаемые чувством, рассудком или разумом вещи так отличаются от него и друг от друга, что между ними никогда нет точного равенства, и тем самым максимальное равенство, ни для чего не иное и ни от чего не отличное, превосходит всякое понимание.

Абсолютный максимум пребывает в полной актуальности, будучи всем, чем он может быть, и по той же причине, по какой он не может быть больше, он не может быть и меньше: ведь он есть всё то, что может существовать. Но то, меньше чего не может быть ничего, есть минимум. Значит, раз максимум таков, как сказано, он очевидным образом совпадает с минимумом.

Все это для тебя прояснится, если представишь максимум и минимум в количественном определении. Максимальное количество максимально велико, минимальное количество максимально мало; освободи теперь максимум и минимум от количества, вынеся мысленно за скобки “велико” и “мало”, и ясно увидишь совпадение максимума и минимума: максимум превосходит все и минимум тоже превосходит все; абсолютное количество не более максимально, чем минимально, потому что максимум его есть через совпадение вместе и минимум.

12 Противоположности, притом в разной мере, свойственны только вещам, допускающим превышающее и превышаемое; абсолютному максимуму они никак не присущи, он выше всякого противоположения.

54

И поскольку абсолютный максимум есть абсолютная актуальность всего могущего быть, причем настолько без всякого противоположения, что совпадает с минимумом, то он одинаково выше и всякого утверждения и всякого отрицания. Все, что мы о нем думаем, он не больше есть, чем не есть, и все, что мы о нем не думаем, он не больше не есть, чем есть: он есть так же это вот, как и все, и он так же все, как и ничто; и он больше всего есть именно эта вот вещь так, что вместе и меньше всего она¹⁴. Поистине, одно и то же сказать: “Бог, то есть сама абсолютная максимальность, есть свет” и “Бог есть так же максимальный свет, как минимальный свет”¹⁵. Ведь не будь абсолютная максимальность бесконечной, не будь она всеобщим пределом, ничем в мире не определяемым, она не была бы и актуальностью всего возможного¹⁶, как мы по божьей милости объясним ниже.

Но это превосходит всякое наше понимание, неспособное на путях рассудка сочетать противоположности в их источнике; ведь мы движемся в свете того, что открывает нам природа, а любое природное знание далеко отпадает от бесконечной силы и связывать воедино бесконечно отстоящие друг от друга противоположности неспособно. Только непостижимо поднявшись над всякой дискурсией рассудка, мы видим, что абсолютный максимум есть бесконечность, которой ничто не противостоит и с которой

совпадает минимум.

Максимум и минимум берутся в этой книжке как трансцендентные пределы с абсолютной значимостью: возвышаясь над всем определенным в количество объема или силы, они заключают в своей абсолютной простоте все.

ГЛАВА 5

МАКСИМУМ ЕСТЬ ЕДИНОЕ

13 Из сказанного очевиднейше явствует, что абсолютный максимум, понимаемый через непостижимость, именуется тоже через неизменность, как мы яснее покажем ниже¹⁷. Чего не может быть ни больше, ни меньше, того нельзя именовать, потому что имена приписываются движением рассудка только вещам, в том или ином соотношении допускающим превышаемое и превышающее.

55

14 Раз все существует наилучшим образом, каким может существовать, то без числа¹⁸ множественность сущего существовать не может: с изъятием числа прекратятся различность, порядок, пропорция, гармония, да и сама множественность вещей. Если это число будет бесконечным, все перечисленное тоже прекратится, потому что с актуальной максимальной числом совпадет минимум: бесконечное число и минимальное число сводятся к одному. Хотя при числовом восхождении мы и приходим актуально к максимуму из-за конечности [конкретного] числа, однако к такому максимуму, больше которого ничего не может быть, прийти нельзя, ведь это будет уже бесконечное число; числовое восхождение поэтому актуально конечно, и любое число в нем несет возможность другого¹⁹. И хотя при нисхождении число ведет себя так же, то есть для любого актуально данного малого числа посредством вычитания всегда можно актуально получить меньшее, как при восхождении благодаря прибавлению — большее, здесь опять то же самое: иначе среди вещей не оказалось бы ни различия, ни порядка, ни множественности, а в числах не оказалось бы ни превышаемого, ни превышающего, да вообще не было бы числа. Поэтому мы

обязательно приходим в числе к минимуму, меньше которого не может быть, а такова единица (*unitas*)²⁰. Поскольку меньше единицы ничего не может быть, она и будет минимумом просто, который, согласно только что сказанному, совпадает с максимумом. Такая единица не число — ведь число, допуская превышающее [и превышаемое], никак не может быть ни минимумом просто, ни максимумом просто,— а начало всякого числа, поскольку она минимум, и конец всякого числа, поскольку максимум. Эта абсолютная единица, которой ничто не противоположно, и есть абсолютная максимальность, бог благословенный. Его единство (*unitas*), будучи максимальным, неразмножимо, поскольку оно уже есть все то, что может быть, и тем самым невозможно, чтобы оно стало числом²¹.

Посмотри: число привело нас к пониманию того, что неизменному богу всего больше подходит абсолютное единство; бог един в том смысле, что он актуально есть все потенциально могущее быть, почему его единство не допускает “больше” и “меньше” и не

56

может размножиться. Божество есть бесконечное единство. Поэтому сказавший: “Слушай, Израиль! Бог твой един есть” и “Един ваш учитель и Отец на небесах”²² — не мог сказать большей истины; говорить, что богов много,— значит, утверждать величайшую ложь о несуществовании и бога, и вообще чего бы то ни было с мире, как будет показано дальше. Ведь как число, рассудочная сущность, изготовленная (*fabricatum*) пашей способностью сравнительного различения, обязательно предполагает в качестве своего первоначала единицу, без которой число невозможно, так же точно множества вещей, происходящие от бесконечного единства, обязательно предполагают его в качестве необходимого начала своего существования. И в самом деле, как бы они существовали без бытия? А что абсолютное единство есть бытие, увидим ниже.

ГЛАВА 6

АБСОЛЮТНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ МАКСИМУМА

15 Как показано выше, все, кроме единого, то есть максимума

просто, по отношению к нему конечно и ограничено пределом. У конечного и определенного обязательно есть начало и предел, и, поскольку нельзя сказать, что они “больше” данной вещи,— это значило бы, что они сами конечны, причем пришлось бы постоянно восходить так в бесконечной прогрессии, потому что через превышения и превышаемые к актуальной бесконечности прийти нельзя, иначе природа максимума оказалась бы тоже конечной,— то началом и концом всего конечного с необходимостью оказывается актуальный максимум.

16 И еще. Ничто не могло бы существовать без максимума просто. В самом деле, поскольку всякий не-максимум конечен, он имеет и начало, причем начало обязательно от чего-то иного, иначе, имея он начало от самого себя, он существовал бы, когда его еще не было. По путем причин и следствий прийти к бесконечности невозможно, как явствует из нашего правила²³. Следовательно, должен существовать максимум просто, без которого ничего не может быть.

И еще. Берем максимум конкретно как бытие и говорим: максимальному бытию не противоположно

57

ничто, а значит, ни небытие, ни минимальное бытие. Как же можно представить максимум несуществующим, если его минимальное бытие есть его максимальное бытие? Притом ничего нельзя представить существующим без бытия, а абсолютное бытие не может быть ничем иным, кроме абсолютного максимума; следовательно, без этого максимума невозможно ничего представить существующим.

И еще. Максимальная истина есть абсолютный максимум. Но максимально истинно то, что этот простой максимум или существует, или не существует, или существует и не существует, или не существует и не не существует: ничего больше ни сказать, ни придумать невозможно. Что бы из этого ты ни назвал максимально истинным, в моем суждении оно уже содержится; таким образом, я имею в нем максимальную истину, а она есть и максимум просто²⁴.

17 Далее. Хотя из предыдущего ясно, что ни это имя “бытие”, ни какое-либо другое имя не будут точным именем максимума, который выше всякого имени, однако как раз неименуемость вследствие вознесенности его максимального имени над всяким именуемым бытием предполагает, что ему должно соответствовать максимальное бытие.

Через эти и бесконечное множество подобных рассуждений ученое незнание на основании вышесказанного явственнейше усматривает, что простой максимум существует с такой необходимостью, что он — абсолютная необходимость. С другой стороны, доказано, что простой максимум может быть только один. Таким образом, существование единого максимума — высшая истина.

58

ГЛАВА 11

О ТОМ, ЧТО МАТЕМАТИКА ЛУЧШЕ ВСЕГО ПОМОГАЕТ НАМ В ПОНИМАНИИ РАЗНООБРАЗНЫХ БОЖЕСТВЕННЫХ ИСТИН

30 Все наши мудрые и божественные учителя сходились в том, что видимое поистине есть образ невидимого и что творца, таким образом, можно увидеть по творению как бы в зеркале и подобии²⁹. Возможность символически исследовать сами по себе непостижимые для нас духовные вещи коренится в сказанном выше³⁰: все взаимно связано какой-то — правда, для нас темной и [в точности] непостижимой — соразмерностью, так что совокупность вещей образует единую Вселенную и в едином максимуме все есть само Единое.

31 Хотя всякий образ очевидно стремится уподобиться своему прообразу, однако кроме максимального образа, который в силу единства природы есть то же самое, что и прообраз, нет настолько равного прообразу образа, чтобы он не мог без конца становиться более подобным и равным прообразу, как уже ясно из предыдущего. Поскольку разыскание ведется все-таки исходя из подобий, нужно, чтобы в том образе, отталкиваясь от которого мы переносимся к неизвестному, не было по крайней мере ничего двусмысленного; ведь путь к неизвестному может идти только

через заранее и несомненно известное. Но все чувственное пребывает в

64

какой-то постоянной шаткости ввиду изобилия в нем материальной возможности. Самыми надежными и самыми для нас несомненными оказываются поэтому сущности более абстрактные, в которых мы отвлекаемся от чувственных вещей, — сущности, которые и не совсем лишены материальных опор, без чего их было бы нельзя вообразить, и не совсем подвержены текучей возможности.

32 Таковы математические предметы. Недаром именно в них мудрецы искусно находили примеры умопостигаемых вещей, и великие светочи древности приступали к трудным вещам только с помощью математических подобий. Боэций, ученейший из римлян, даже утверждал, что никому не постичь божественной науки, если он лишен навыка в математике³¹. Не Пифагор ли, первый философ и по имени и по делам, положил, что всякое исследование истины совершается через число? Пифагору следовали платоники и наши первые учителя настолько, что Августин, а за ним Боэций утверждали, что первоначальным прообразом творимых вещей было в душе создателя несомненно число³². Разве Аристотель, который, опровергая предшественников, желал предстать единственным в своем роде, сумел показать нам в “Метафизике” различие сущностей каким-то другим образом, чем в сравнении с числами? Желая преподать свое учение о природных формах — о том, что одна пребывает в другой, — он тоже был вынужден прибегнуть к математическим фигурам и сказать: “Как треугольник в четырехугольнике, так низшее — в высшем”³³. Молчу о бесчисленных сходных примерах. Платоник Августин Аврелий, исследуя количество души, ее бессмертие и другие высшие предметы, тоже пользовался помощью математики³⁴. Наш Боэций счел этот путь самым уместным и постоянно утверждал, что и всякое учение об истине охватывается множеством и величиной. Если угодно, могу сказать короче: разве по с помощью математического доказательства пифагорейцам и перипатетикам только и удалось опровергнуть отрицающее бога и противоречащее всей истине мнение эпикурейцев об атомах и пустоте, доказав, что

невозможно прийти к неделимым и простым величинам, которые служили Эпикуру предпосылкой и основой всего его учения?³⁵

65

Вступая на проложенный древними путь, скажем вместе с ними, что если приступить к божественному нам дано только через символы, то всего удобнее воспользоваться математическими знаками из-за их непреходящей достоверности.

глава 12

КАК МЫ НАМЕРЕНЫ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ МАТЕМАТИЧЕСКИМИ ЗНАКАМИ

33 Но поскольку, как ясно из предыдущего, простой максимум не может быть ничем из познаваемых или мыслимых вещей, то, намереваясь исследовать его через символы, мы должны вырваться за пределы простого уподобления. В математике все конечно, иначе там даже воображением представить было бы ничего нельзя. Если мы хотим воспользоваться конечным как примером для восхождения к максимуму просто, то надо, во-первых, рассмотреть конечные математические фигуры вместе с претерпеваемыми ими изменениями (*passionibus*) и их основаниями; потом перенести эти основания соответственно на такие же фигуры, доведенные до бесконечности; в-третьих, возвести эти основания бесконечных фигур еще выше, до простой бесконечности, абсолютно отрешенной уже от всякой фигуры. Только тогда наше незнание непостижимо осознает, как нам, блуждающим среди загадок, надлежит правильнее и истиннее думать о наивысшем.

34 Действуя так и приступая к делу под водительством максимальной истины, вспомним сначала разные высказывания святых мужей и высочайших умов, занимавшихся математическими фигурами. Благочестивый Ансельм сравнивал максимальную истину с бесконечной прямизной³⁶; следуя ему, мы обращаемся к фигуре прямизны, которую я изображаю в виде прямой линии. Другие многоопытные мужи сравнивали преблагословенную Троицу с треугольником о трех равных прямых углах³⁷; поскольку он, как будет показано, обязательно должен иметь бесконечные стороны, его можно назвать бесконечным треугольником. Мы

следуем и за ними. Третьи, пытаюсь представить в математической фигуре бесконечное единство, называли бога бесконечным кругом. А созерцатели всецело актуального божественного бытия называли бога как бы бесконечным

66

шаром³⁸. Опять-таки, мы покажем, что и они правильно понимали величайший максимум и что смысл у них всех один.

ГЛАВА 13

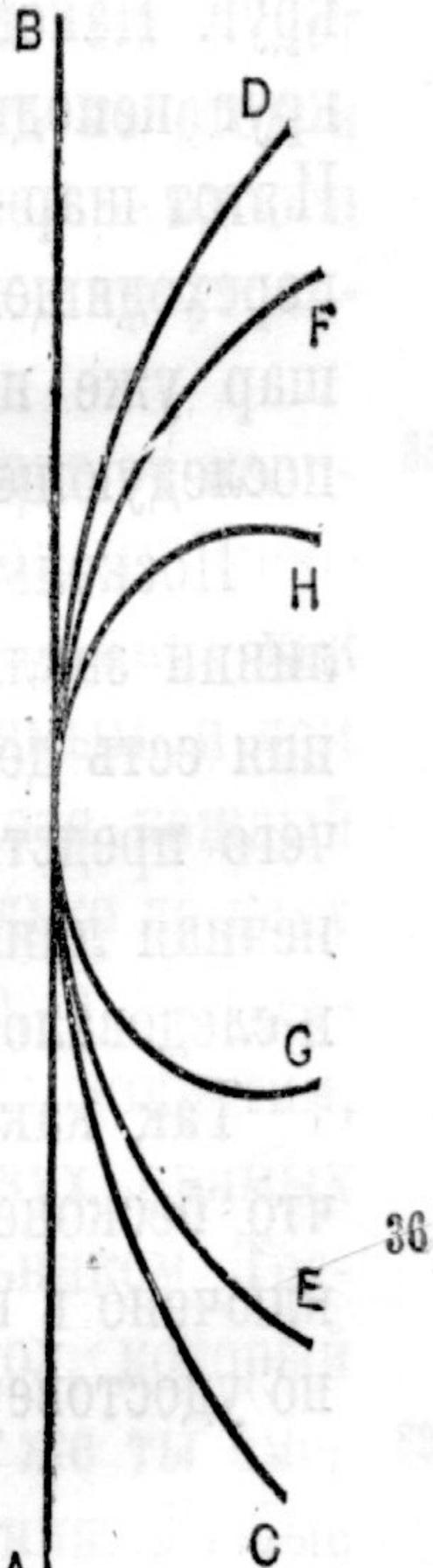
ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ, ПРЕТЕРПЕВАЕМЫХ МАКСИМАЛЬНОЙ И БЕСКОНЕЧНОЙ ЛИНИЕЙ

35 Итак, я утверждаю, что если бы существовала бесконечная линия, она была бы прямой, она была бы треугольником, она была бы кругом, и она была бы шаром; равным образом, если бы существовал бесконечный шар, он был бы кругом, треугольником и линией; и то же самое надо говорить о бесконечном треугольнике и бесконечном круге.

Во-первых, что бесконечная линия будет прямой, очевидно: диаметр круга есть прямая линия, а окружность — кривая линия, большая диаметра; если эта кривая тем меньше в своей кривизне, чем большего круга окружностью она является, то окружность максимального круга, больше которого не может быть, минимально крива, а стало быть, максимально пряма. Минимум совпадает таким образом с максимумом. Даже я на глаз видно, что максимальная линия с необходимостью максимально пряма и минимально крива. Здесь не может оставаться ни тени сомнения, когда мы рассмотрим на фигуре сбоку, что дуга *CD* большего круга больше отступает от кривизны, чем дуга *EF* меньшего круга, а та больше отходит от кривизны, чем дуга *GH* еще меньшего круга, почему прямая линия *AB* будет дугой максимального круга, который уже не может увеличиться. Так мы видим, что максимальная и бесконечная линия по необходимости совершенно прямая и кривизна ей не противоположна; мало того, кривизна в этой максимальной линии есть прямизна. Это первое, что требовалось доказать.

Во-вторых, как сказано, бесконечная линия есть максимальный треугольник, круг и шар. Для доказательства этого надо

рассмотреть на конечных линиях, что заключено в возможности конечной линии; поскольку все, чем конечная линия

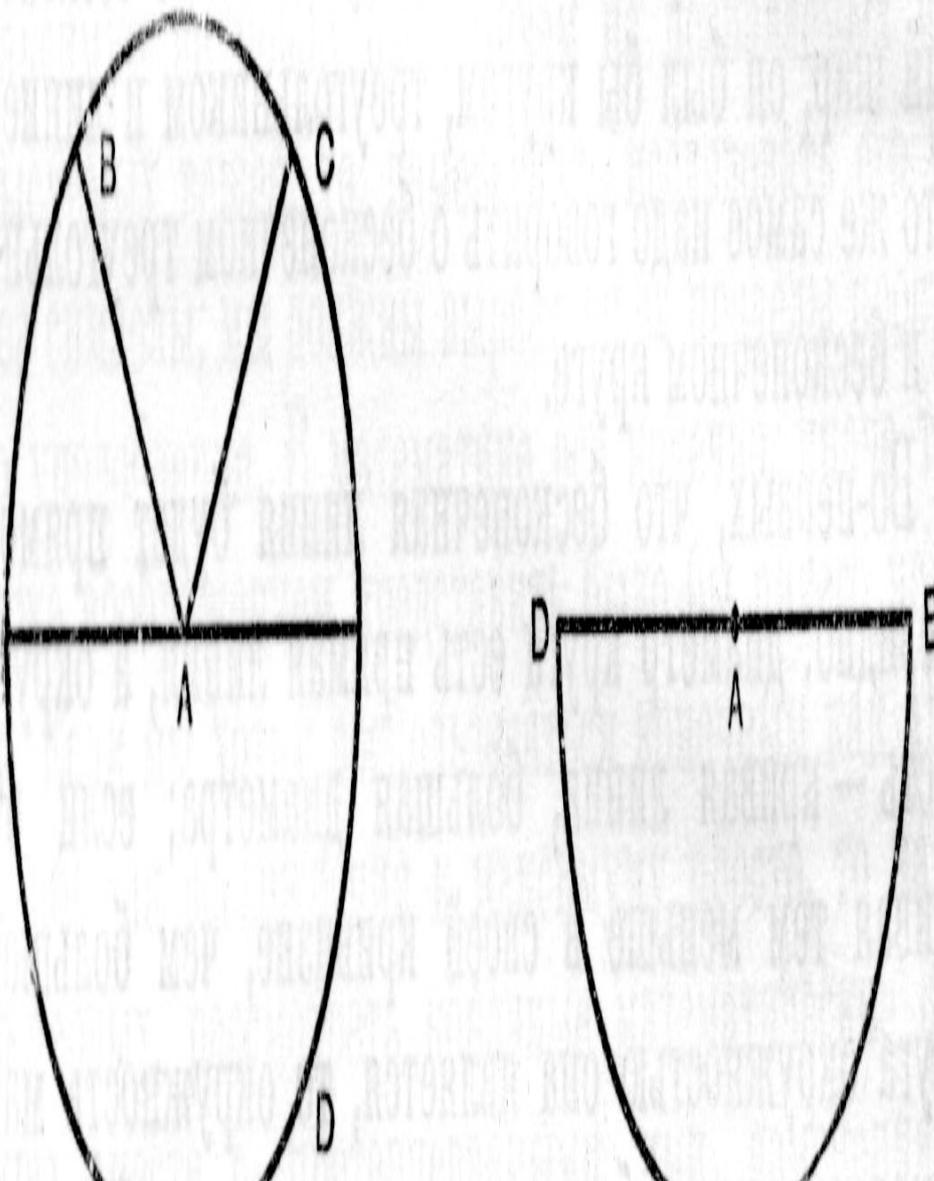

A]

67

является в возможности, бесконечная линия есть в действительности, мы сможем увидеть искомое еще яснее.

Мы знаем прежде всего, что конечная линия по своей длине может быть длиннее и прямее; а уже доказано, что максимальная линия—самая длинная и прямая. Потом, если линия AB будет обведена вокруг неподвижной точки A , пока не придет в C , возникнет треугольник. Если вращение будет совершаться, пока B не придет в свое начальное положение, возникнет круг.

Опять-таки, если B будет обведено вокруг неподвижного A до точки, противоположной своему начальному положению, то есть до D , то из линий AB и AD образуется одна непрерывная линия и будет описан полукруг. Наконец, если этот полукруг будет обведен вокруг неподвижного диаметра BD , то получится шар. И этот шар — последняя возможность линии, целиком переходящей в нем в действительность, потому что шар уже не заключает в себе возможности никакой последующей фигуры.

Поскольку, таким образом, в возможности конечной линии заключены все эти фигуры, а бесконечная линия есть действительным образом все то, возможность чего представляет конечная, то, следовательно, бесконечная линия есть и треугольник, и круг, и шар, что и следовало доказать.

Так как ты, наверное, захочешь яснее убедиться, что бесконечное есть действительность всего, что заключено в возможности конечного, дам тебе совершенно удостовериться в этом.

68

ГЛАВА 14

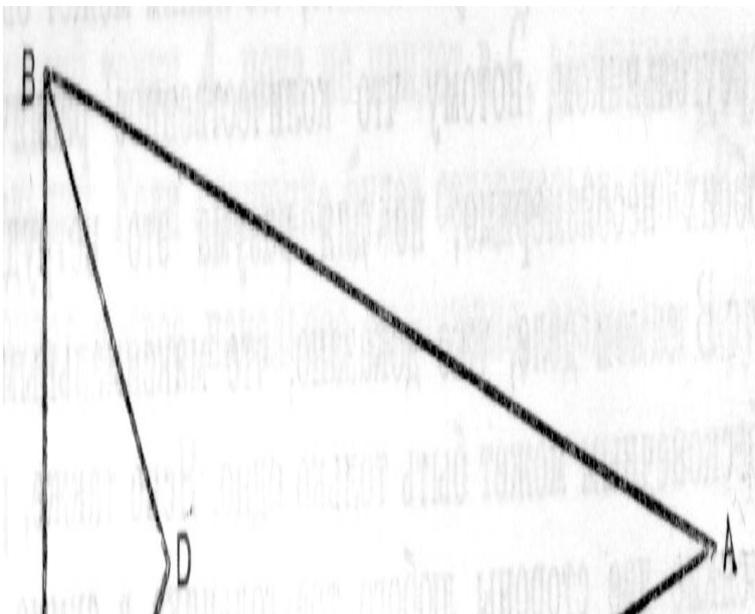
О ТОМ, ЧТО БЕСКОНЕЧНАЯ ЛИНИЯ ЕСТЬ ТРЕУГОЛЬНИК

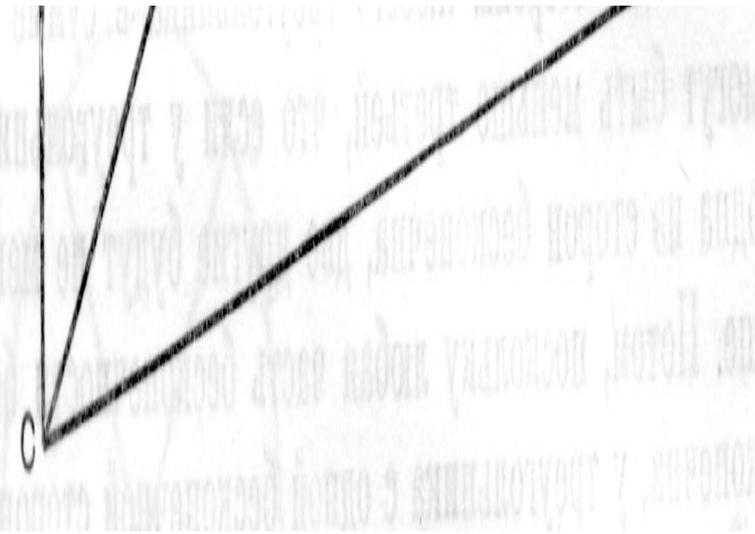
37 Воображение, неспособное выйти за пределы чувственных вещей, не улавливает, что линия может быть треугольником, потому что количественное различие обоих несоизмеримо; по для разума это нетрудно.

В самом деле, уже доказано, что максимальным и бесконечным может быть только одно. Ясно также, раз всякие две стороны любого треугольника в сумме не могут быть меньше третьей, что если у треугольника одна из сторон бесконечна, две другие будут не меньше. Потом, поскольку любая часть бесконечности бесконечна,

у треугольника с одной бесконечной стороной другие тоже обязательно будут бесконечными. Но нескольких бесконечностей не бывает, и за пределами воображения ты трансцендентно понимаешь, что бесконечный треугольник не может состоять из нескольких линий, хоть этот максимальный, не составной и простейший треугольник есть истиннейший треугольник, обязательно имеющий три линии, и, значит, единственная бесконечная линия с необходимостью оказывается в нем тремя, а три — одной, простейшей. То же в отношении углов: в нем будет только один бесконечный угол, и этот угол — три угла, а три угла — один. Не будет этот максимальный треугольник и состоять из сторон и углов, но бесконечная линия и угол в нем — одно и то же, так что линия есть и угол, раз весь треугольник — линия.

38 Понять это тебе поможет еще восхождение от количественного треугольника к не-количественному (non-quantum). Всякий количественный треугольник, как известно, имеет три угла, равные двум прямым, и чем больше один угол, тем меньше другие. Хотя каждый угол треугольника может увеличиваться только до двух прямых исключительно, а не максимально, в соответствии с нашим первым принципом, однако допустим, что он увеличивается максимально до двух прямых включительно, оставаясь при этом треугольником. Тогда окажется, что у треугольника один угол, который есть три, и три образуют один. Точно так же ты сможешь убедиться, что треугольник есть линия. Любые Две стороны количественного треугольника в сумме

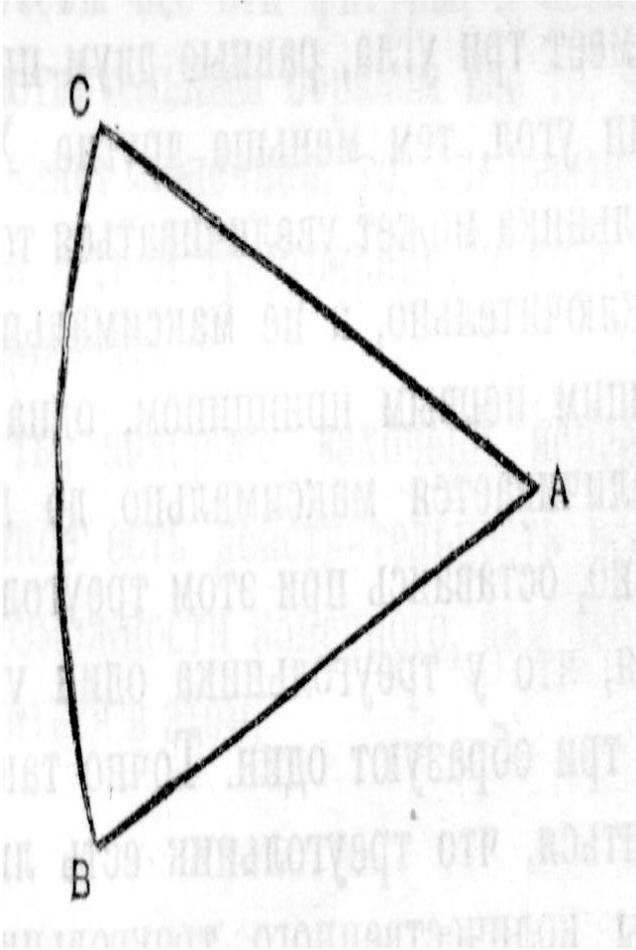

настолько длиннее третьей, насколько образуемый ими угол меньше двух прямых; например, поскольку угол BAC много меньше двух прямых, линии BA и AC в сумме много длиннее BC . Значит, чем больше этот угол, например угол BDC , тем меньше линии BD и DC превышают линию BC и тем меньше поверхность. Если допустить, что этот угол приравняется двум прямым, весь треугольник разрешится в простую линию. Таким допущением, у количественных треугольников невозможным, пользуйся для восхождения к не-количественным, у которых, как видишь, невозможное для количественных становится совершенно необходимым. Отсюда тоже ясно, что бесконечная линия есть максимальный треугольник, как и требовалось доказать.

ГЛАВА 15

О ТОМ, ЧТО ЭТОТ ТРЕУГОЛЬНИК БУДЕТ КРУГОМ И ШАРОМ

40 Теперь покажем яснее, что треугольник есть круг. Допустим, что треугольник ABC образован вращением линии AB вокруг неподвижного A до совпадения B с C . Нет никакого сомнения, что если бы линия AB бы-

70

ла бесконечной и B описало полный круг, вернувшись к началу, то получился бы максимальный круг, частью которого является BC . Но поскольку BC есть часть бесконечной дуги, BC есть прямая линия; а так как всякая часть бесконечности бесконечна, то BC не меньше всей дуги бесконечной окружности. Таким образом BC будет не только частью, но и совершенно всей окружностью, и, значит, треугольник ABC с необходимостью есть максимальный круг. Причем окружность BC как прямая линия не длиннее бесконечной AB , раз больше бесконечности ничего не может быть; не будут BC и AB и двумя [отдельными] линиями, потому что не может быть двух бесконечностей. Стало быть, бесконечная линия, являясь треугольником, есть также круг, что и надо было установить.

41 Наконец, что бесконечная линия есть шар, обнаруживается так. Линия AB есть окружность максимального круга и, больше того, сама круг, как уже доказано. Согласно вышеизложенному, она проведена в треугольнике от B до C . Но BC — бесконечная линия, как тоже только что доказано; поэтому AB возвращается в C ,

совершая полный оборот вокруг себя самой. Когда это происходит, из обращения круга вокруг себя с необходимостью возникает шар.

Итак, если выше доказано, что *ABC* есть круг, треугольник и линия, то теперь мы доказали, что *ABC* есть также шар. Это мы и ставили целью разыскания.

ГЛАВА 16

О ТОМ, ЧТО МАКСИМУМ, В ПЕРЕНОСНОМ СМЫСЛЕ, ОТНОСИТСЯ КО ВСЕМУ КАК МАКСИМАЛЬНАЯ ЛИНИЯ К ЛИНИЯМ

42 Теперь, зная, что бесконечная линия в своей бесконечности есть действительным образом все то, что заключено в возможности конечной линии, мы можем в переносном смысле говорить о простом максимуме, что он есть максимальным образом все то, что заключено в возможности абсолютной простоты: все, что только возможно, то этот максимум есть в максимальной Действительности и не как осуществление возможности, а как максимальное бытие; так при получении

71

треугольника из бесконечной линии эта линия есть треугольник не в смысле его построения из конечной линии, а в действительности такая линия уже и есть бесконечный треугольник, представляющий одно и то же с линией. Кроме того, даже абсолютная возможность в максимуме есть не иное что, как сама действительность максимума; так бесконечная линия есть в своей действительности шар. Иначе в не-максимуме: там возможность не есть действительность; так конечная линия не есть треугольник.

43 Здесь проясняется важное умозрение, которое можно вывести относительно максимума: если максимум таков, что и минимум в нем — тоже максимум, то значит, он поднимается бесконечно выше любого противоположения. Из этого принципа о нем можно вывести столько отрицательных истин, насколько хватит книг или слов; больше того, всякая доступная нам теология вытекает из одного этого первоначала. Недаром величайший испытатель божественного Дионисий Ареопагит в своей “Мистической теологии”³⁹ говорит, что блаженный Варфоломей чудесно понял

теологию, назвав ее одинаково и максимальной и минимальной, потому что, кто это понимает, все понимает, поднявшись за пределы всякого сотворенного разума. Бог, то есть самый максимум, говорит тот же Дионисий в “Божиих именах”⁴⁰, не таков, что он есть вот это, а не другое и что он где-то есть, а где-то его нет: он как все, так и ничто из всего, потому что, как сказано в конце “Мистической теологии”, бог есть “совершенная и единственная причина всего, поднимающаяся над всяким утверждением; и всякое отрицание тоже превышает его высота, в простой абсолютности пребывая за пределами всех вещей”⁴¹. А в послании к Гаию он заключает, что бог познается сверх всякой мысли и понятия⁴².

44 В согласии с этим и рабби Саломон говорит, что все мудрецы сходятся на невозможности знанием постичь творца: “Только он понимает свою суть, а наше понимание по отношению к его пониманию выражается в бессилии приблизиться к нему”. В другом месте он поэтому тоже говорит в заключении: “Да славится творец, на понимании сущности которого прерывается научное разыскание, безумием оказывается мудрость и суетой — изящество словес”⁴³. Это и есть то знающее незнание,

72

которого мы ищем; и Дионисий многообразно стремился доказать, что творца можно найти только таким путем — исходя, по-моему, именно из вышесказанного начала.

45 И вот, перенесем наше умозрение — а мы его вывели из того, что бесконечная кривизна есть бесконечная прямизна,— на простейшую и бесконечную сущность максимума. Она есть простейшая сущность всех сущностей; все сущности настоящих, прошлых и будущих вещей всегда и вечно пребывают актуально в этой сущности, так что все сущности — это как бы сама же всеобщая сущность; сущность всех вещей есть любая другая сущность таким образом, что она есть одновременно и все они, и ни одна в отдельности; и как бесконечная линия есть точнейшая мера всех линий, так максимальная сущность есть точнейшая мера всех сущностей. Ведь максимум, которому не противоположен минимум, с необходимостью есть точнейшая мера всего — не

больше любой вещи, поскольку минимум, и не меньше ее, поскольку максимум,— а все измеримое оказывается между максимумом и минимумом, так что бесконечная сущность есть вернейшая и точнейшая мера всего.

46 И чтобы увидеть это еще яснее, подумай, что если бы одна бесконечная линия состояла из бесконечного числа отрезков в пядь, а другая — из бесконечного числа отрезков в две пяди, они все-таки с необходимостью были бы равны, поскольку бесконечность не может быть больше бесконечности. Соответственно как одна пядь в бесконечной линии не меньше, чем две пяди, так бесконечная линия не становится по прибавлении двух пядей больше, чем по прибавлении одной. Мало того: поскольку любая часть бесконечности — тоже бесконечность, одна пядь бесконечной линии так же превращается во всю бесконечную линию, как две пяди. Точно так же, раз всякая сущность в максимальной сущности есть сама эта максимальная сущность, максимум есть не что иное, как точнейшая мера всех сущностей. Причем не найти другой точной меры всякой сущности, кроме этой; ведь все прочие недостаточны и могут быть точнее, как ясно показано выше⁴⁴.

73

ГЛАВА 17

ДРУГИЕ ГЛУБОЧАЙШИЕ УЧЕНИЯ, ПРОЯСНЯЮЩИЕСЯ ИЗ ТЕХ ЖЕ ОСНОВАНИЙ

47 Еще о том же. Конечная линия делима, а бесконечная неделима, потому что у бесконечности, где максимум совпадает с минимумом, нет частей. Но поскольку в величинах, как показано выше, нельзя прийти к минимуму, меньше которого ничего не может быть, конечная линия не делима на нелинии, благодаря чему в своем основании (ratio) она неделима: линия в одну пядь не менее линия, чем в один локоть. Получается, таким образом, что основание конечной линии — бесконечная линия! Так и максимум просто — основание всех вещей. В свою очередь основание есть мера, и Аристотель справедливо говорит в “Метафизике”, что первое есть мера и мерило всего, поскольку основание всего⁴⁵.

48 Еще. Как бесконечная линия, основание конечной линии,

неделима и, следовательно, неизменна и постоянна, так и основание всех вещей, бог благословенный, вечно и неизменно. Здесь проясняется мысль и великого Дионисия, что сущность вещей нетленна⁴⁶, и других, говоривших, что основание вещей вечно, например божественного Платона, который, по словам Халкидия, учил в “Федоне”, что един прообраз, идея всех вещей, как он есть в себе, но в отношении множественных вещей многими кажутся и прообразы⁴⁷. И действительно, когда я рассматриваю линию в две пяди, линию в три пяди и так далее, предстают две вещи, а именно единое и одинаковое у каждой и любой линии основание и имеющееся между линией в две пяди и линией в три пяди различие, так что кажется, будто одно основание у линии в две пяди и другое — у линии в три пяди. С другой стороны, ясно, что в бесконечной линии линия в две пяди не отличается от линии в три пяди, а ведь она есть основание всякой конечной линии, и, значит, у обеих линий основание одно. Различие будь то вещей, будь то линий не от различия основания, оно у них едино, а от того привходящего обстоятельства, что они не в равной мере причастны этому основанию. Словом, есть только одно основание всего и все ему по-разному причастно.

74

49 А что все причастно по-разному, получается оттого, что, как доказано выше⁴⁸, не может быть двух вещей, равно подобных и, значит, в точном равенстве причастных единому основанию. Приобщиться к нему с высшим равенством можно только через максимум, а он ведь и есть само это бесконечное основание: как есть только одно максимальное единство, так возможно только одно равенство единства, а такое равенство в силу своей максимальнойности и есть основание всего. Это подобно тому, как есть только одна бесконечная линия, основание всех конечных, и именно из-за неизбежного отпадения от этой бесконечной конечная линия уже не может быть своим собственным основанием, как она не может быть одинаково бесконечной и конечной; а поскольку никакие две конечные линии не могут быть в точности равны — ведь точное, то есть максимальное, равенство есть не что иное, как сам максимум,— то не найти и двух линий, в равной мере причастных единому основанию всех.

50 Потом. Как сказано выше, бесконечная линия не больше и не

меньше в линии длиной в две пяди, чем эта линия длиной в две пяди; то же в отношении линии длиной в три пяди и так далее. Благодаря неделимости и единству бесконечная линия присутствует целиком в любой конечной. Но, присутствуя целиком в любой конечной, она не делится и не превращается в конечную, ведь иначе, находясь целиком в линии длиной в две пяди, она так же не могла бы быть в линии длиной в три пяди, как две пяди не есть три пяди: бесконечная линия целиком присутствует в каждой линии так, что она — ни в одной из них постольку, поскольку каждая из-за своей конечности отлична от других. Словом, бесконечная линия вся целиком присутствует в каждой линии так, что каждая — в ней. Надо рассмотреть это в сопряжении, и мы ясно увидим максимум — в любой вещи и ни в одной вещи, и означает это только то, что, пребывая в любой вещи одним и тем же основанием, как и любая вещь пребывает в нем в качестве самого же этого основания, максимум пребывает в себе самом. Одно и то же сказать, что максимум есть мера и мерило всего, что простой максимум пребывает в самом себе или что максимум есть максимум. Это значит, что никакая вещь не пребывает в самой себе помимо максимума и всякая вещь

75

пребывает в самой себе постольку, поскольку покоится в своем основании и поскольку ее основание есть максимум.

51 Опираясь на это и руководствуясь аналогией бесконечной линии, наш ум лучше всего может приблизиться в святом незнании к превосходящему любое понятие максимуму просто. В самом деле, мы ясно видим теперь, что находим бога путем отстранения причастных ему вещей: все сущее причастие его бытию; если отнять это приобщение к нему всего сущего, останется простейшее бытие, единая сущность всего. И созерцать это бытие мы можем только в высотах ученого незнания, потому что, когда я отстраняю из своей мысли все причастное бытию, кажется, что ничего не остается; недаром великий Дионисий говорит, что понятие бога приближается больше к ничто, чем к чему-то⁴⁹. Но святое незнание учит меня: то, что кажется уму ничем, есть непостижимый максимум.

ГЛАВА 18

О ТОМ, КАК ТЕ ЖЕ ПРИМЕРЫ ДАЮТ НАМ ПОНЯТЬ ПРИЧАСТНОСТЬ К БЫТИЮ

52 Далее. Возбужденный предыдущим, наш ненасытимый ум в величайшем увлечении начинает настойчиво разыскивать, как яснее рассмотреть это приобщение к единому максимуму, и, снова помогая себе примером бесконечной линейной прямизны, утверждает:

Невозможно, чтобы кривое, всегда допуская увеличение и уменьшение [кривизны], стало максимальным или минимальным; да и вообще кривизна, как таковая, не есть нечто, ибо она есть отпадение от прямой. Все бытие, какое есть у кривой, идет от причастности прямизне, поскольку максимально и минимально кривое есть не что иное, как прямое. Таким образом, чем менее крива кривая (например, окружность увеличивающегося круга), тем больше она причастна прямизне,— не то что она принимает ее часть, ведь бесконечная прямизна не делится на части, но чем прямая конечная линия больше, тем больше она оказывается причастна бесконечности максимальной бесконечной линии. И вот, как конечная линия, поскольку она пряма (а в ее прямизну разрешается минимальная

76

кривизна), причастна бесконечной линии более простой причастностью, кривая же не такой простой и непосредственной, а больше опосредствованной и отдаленной причастностью, через посредство прямизны, которой кривая причастна,— точно так же есть вещи, непосредственной причастные самодовлеющему (*in seipso subsistentem*) максимальному бытию, как простые конечные субстанции, и есть другие, причастные максимальному бытию не сами по себе, а через посредство субстанций, как акциденции. Несмотря на все различие видов причастности, прямое остается мерой и себя самого и кривого, как говорит Аристотель⁵⁰; как бесконечная линия есть мера линии и прямой и кривой, так максимум есть мера всех вещей, как бы по-разному они к нему ни приобщались.

53 Здесь приоткрывается и смысл его слов о том, что субстанция не

допускает ни своего увеличения, ни уменьшения⁵¹. Это так же верно, как то, что прямая конечная линия в качестве прямой не допускает увеличения и уменьшения, и только в качестве конечной из-за разной причастности бесконечной линии одна больше или меньше относительно другой, причем никогда не найти двух совершенно равных. Наоборот, кривая в своей причастности к прямизне допускает увеличение и уменьшение, а потом еще и в той прямизне, которой причастна, тоже допускает увеличение и уменьшение, уже в качестве прямой. И отсюда же ясно, что акциденции тем благороднее, чем более благородной субстанции причастны. Здесь видно и то, что способны существовать только вещи, причастные бытию первоначала или сами по себе, или через другое сущее, как линии бывают только или прямые, или кривые. Поэтому Аристотель справедливо разделил все сущее в мире на субстанции и акциденции⁵².

54 Итак, и у субстанции и у акциденции есть одна точнейшая мера, сам простейший максимум. Хоть он и не субстанция и не акциденция, однако из всего сказанного совершенно ясно, что ему больше пристало имя не акциденции, а непосредственно ему причастного, то есть субстанции. Недаром величайший (maximus) Дионисий называет его большим, чем субстанция, или сверхсубстанциальным⁵³, а не сверхакцидентальным, потому что сказать “сверхсубстанциальный” больше, чем сказать “сверхакцидентальный”, и,

77

значит, это лучше отвечает величайшему максимуму. С другой стороны, он зовется “сверхсубстанциальным”—то есть, надо понимать, все-таки не субстанцией,— потому что это ниже его, он выше субстанции. Словом, отрицание вернее подходит максимуму, как скажем ниже по поводу имен бога⁵⁴.

Можно было бы многое узнать из предыдущего о различии и благородстве акциденций и субстанций, но об этом здесь нет места говорить.

ГЛАВА 19

ПЕРЕНЕСЕНИЕ БЕСКОНЕЧНОГО ТРЕУГОЛЬНИКА НА

МАКСИМАЛЬНУЮ ТРОИЧНОСТЬ

55 Пусть теперь наше ученое незнание развернет нам то, что было сказано и доказано выше относительно тождества максимальной линии и максимального треугольника.

Было доказано, что максимальная линия есть треугольник, и поскольку эта линия — простейшая, простейшее оказывается троичным. Всякий угол треугольника будет линией, раз весь треугольник — линия, и значит, бесконечная линия троична. С другой стороны, многих бесконечностей быть не может, и, значит, троичность есть единство.

Кроме того, поскольку угол, противоположный большей стороне, как известно из геометрии, больше, а здесь у нас треугольник, у которого нет стороны не бесконечной, то углы будут максимальными и бесконечными. Значит, один будет не меньше других и два — не больше третьего; но раз вне бесконечного количества не может быть количества, то и вне одного бесконечного угла другие невозможны, а стало быть, один будет в другом и все три будут единый максимум.

56 И еще. Как максимальная линия не больше линия, чем треугольник, круг или шар, но поистине есть все это без составности, согласно доказанному, таким же образом простой максимум существует в качестве линейного максимума, что можно назвать сущностью; существует в качестве треугольного максимума, что можно назвать троицей; существует в качестве круглого, что можно назвать единством; существует в качестве шарового, что можно назвать актуальным бытием.

78

Соответственно максимум есть актуально триединая сущность, причем сама эта сущность есть не что иное, как троица, и эта троица не что иное, как единство, и ее актуальность не что иное, как единство, троичность и сущность, хотя высшая истина в том, что максимум есть все это тождественным и простейшим образом. Как верно то, что максимум существует и что он един, так верно и то, что он троичен,— тем способом, каким истина троичности не противоречит простейшему единству, но есть само это единство.

57 Дело и не может обстоять иначе, чем как становится. понятным по подобию с максимальным треугольником. Поэтому, узнавая из всего вышесказанного, что он есть истинный треугольник и вместе истинная простейшая линия, мы в возможной для человека мере приближаемся благодаря знающему незнанию к пониманию Троицы. Действительно, мы не видим возможности обнаружить в максимальном треугольнике один угол, потом другой и, наконец, еще третий, как в конечных треугольниках, потому что в единстве треугольника, не имеющего состава, не может быть первого, второго и третьего: единое здесь троично без численного умножения, и недаром ученейший Августин сказал: “Начиная считать Троицу, ты отступаешь от истины”⁵⁵. Думая о боге, надо по возможности в простейшем понятии охватывать противоположности, опережая их в предшествующем им единстве; скажем, различие и нераздельность в божественном нужно мыслить не как два противоречащих качества, а в предшествующем им простейшем принципе, где различие есть не иное что, как нераздельность⁵⁶. Тогда мы яснее поймем и тождество троичности и единства: где различие есть нераздельность, там троичность есть единство, и наоборот, где неразличенность есть различие, там единство есть Троица. То же в отношении множественности лиц и единства сущности: где множественность есть единство, троичность лиц тождественна единству сущности, и наоборот, где единство есть множественность, единство сущности есть троичность лиц.

58 Все это ясно видно на нашем примере, где простейшая линия есть треугольник, и наоборот, простой треугольник есть линейное единство. Здесь видно также, что сосчитываться на счет “один”, “два”, “три”

79

углы [максимального] треугольника не могут, раз каждый находится в любом другом. Как говорит Сын божий: “Я в Отце, и Отец во Мне”⁵⁷. С другой стороны, истина треугольника требует, чтобы углов было три, а значит, здесь поистине и три угла, и каждый — максимальный, и все — один максимум. Истина треугольника требует, сверх того, чтобы один угол не был другим⁵⁸; так же и истина единства простейшей сущности требует,

чтобы три не были какими-то различными тремя, а одним, так что это тоже здесь истинно.

Соедини видимые противоположности в предшествующем им единстве, как я сказал, и получишь не один да три или наоборот, а триединое, или едино-троичное. И это — абсолютная истина.

глава 20

ЕЩЕ О ТРОИЦЕ И О ТОМ, ЧТО В БОГЕ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ЧЕТВЕРИЦЫ И ТАК ДАЛЕЕ

59 Дальше. Истина Троицы, триединство (*triunitas*), требует, чтобы тройственное было единым, почему оно и называется триединым. Но это удастся понять только таким образом, что соотношением (*correlatio*) различное соединяется, а порядком (*ordo*) различается. Соответственно при построении конечного треугольника сначала имеем один угол, потом другой и, наконец, третий из обоих первых, причем эти углы взаимно соотнесены, образуя единый треугольник. Так же и в бесконечном треугольнике — бесконечным образом. Однако понимать здесь все нужно так, чтобы при мысли о первом в вечности последующее не оказывалось противоположным ему понятием, иначе первичность и последование с бесконечным и вечным никак не вяжется. Отец не прежде Сына и Сын не после Отца; Отец прежде Сына только так, что Сын не позднее его. Если Отец есть первое лицо, то Сын есть второе не после него, но как Отец — первое лицо без предшествования, так Сын — второе лицо без последования; и равным образом третье лицо, святой Дух. Впрочем, достаточно; выше обо всем этом было уже ясно сказано⁵⁹.

60 Но относительно вечноблагословенной Троицы, пожалуйста, обрати внимание еще на то, что максимум

80

троичен, а не четверичен, не пятиричен и так далее, — вещь, поистине достойная упоминания. Такое противоречило бы максимальной простоте и совершенству.

В самом деле, всякая многоугольная фигура своим простейшим первоэлементом имеет треугольник, то есть минимальную многоугольную фигуру, меньше которой не может быть. Но

доказано, что простой минимум совпадает с максимумом.

Треугольник занимает чем самым в ряду многоугольников такое же положение, какое единое занимает в числовом ряду: как всякое число разрешается в единство, так многоугольник разрешается в треугольник. Поэтому максимальный треугольник, с которым совпадает минимальный, свертывает в себе все многоугольные фигуры; максимальный треугольник относится ко всякому многоугольнику, как максимальное единство относится ко всякому числу. Наоборот, четырехугольная фигура не минимальна, что очевидно, поскольку треугольник меньше ее; значит, простейшему максимуму, который может совпасть только с минимумом, четырехугольник, всегда составной и потому больший минимума, подходить никак не может. Больше того, “быть максимумом” и “быть четырехугольником” заключает в себе противоречие: такой максимум не мог бы быть точной мерой треугольников, потому что всегда превосходил бы их, а какой же он максимум, если он не мера всего? Да и как может быть максимумом то, что возникает из чего-то другого, составно и, следовательно, конечно?

61 Кроме того, уже показано, что из возможности простой линии сначала возникает простой — в ряду многоугольных фигур — треугольник, потом простой круг, потом простой шар, и не получается никаких других, кроме этих элементарных фигур, которые в своем конечном состоянии несоизмеримы друг с другом и свертывают в себе все остальные фигуры. Если бы мы захотели придумать меры для всех измеримых количеств, то, во-первых, нам потребовалась бы для длины бесконечная максимальная линия, с которой совпал бы минимум, потом равным образом для прямолинейной ширины понадобился бы максимальный треугольник, для круговой ширины — максимальный круг, а для глубины — максимальный шар; с другими фигурами, чем эти четыре, охватить все измеримое невозможно. Поскольку все эти меры обязательно должны

быть бесконечными и максимальными, чтобы с ними совпал минимум, а многих максимумов не может быть, то получается единый максимум; но раз он оказывается мерой всякого количества, мы и называем его тоже всем тем, без чего нет максимальной меры, хотя рассмотренный в себе, безотносительно к измеряемому,

максимум по-настоящему не может ни быть, ни носить имя ни одной из перечисленных фигур, потому что он бесконечно и несоизмеримо выше их. Точно так же и максимум просто, поскольку он мера всего, мы называем всем тем, без чего невозможно представить его всеобщей мерой. Он бесконечно выше всякой троичности, но мы называем его троичным, потому что иначе мы не могли бы понять его как простую причину, меру и мерило всех вещей, единство бытия которых заключено в троичности, как в геометрических фигурах единство треугольности заключено в тройственности углов, хотя по-настоящему ни это имя, ни наше понятие троичности вне отношения к вещам максимуму никак не подходит, бесконечно отставая от его максимальной и непостижимой истины.

62 Итак, мы считаем максимальным треугольником простейшую меру всего существующего в тройственности, каковы действия и деяния, бытие которых тройко складывается из возможности, объекта и действительности: умозрения, понятия, воления, сходства, несходства, красоты, пропорции, соотношения, природные влечения и равным образом все прочие вещи, единство бытия которых состоит в [троичной] множественности, как вообще всякое природное бытие и действие состоит в соотношении действующего начала, пассивного начала и их общего результата.

ГЛАВА 21

ПЕРЕНЕСЕНИЕ БЕСКОНЕЧНОГО КРУГА НА ЕДИНСТВО

63 О максимальном треугольнике мы кратко сказали; продолжим сходным образом о бесконечном круге.

64 Круг есть фигура, совершенная по единству и простоте. Но, как уже доказано выше, треугольник есть круг⁶⁰. Так же и троичность есть единство. С другой стороны, это единство бесконечно, как бесконечен круг. Поистине оно бесконечно более едино и тождественно, чем какое бы то ни было выразимое и пости-

жимое нами единство, ведь тождество здесь так велико, что предшествует всем, даже прямым, противоположностям, потому что ни другое, ни различное ему здесь не противоположны. По этой

причине, ввиду бесконечного единства максимума, все ему присущее есть он сам без внутренних различий и инаковости: так, премудрость не есть в нем что-то другое по сравнению с его добром, а то же самое, ведь всякое различие в нем есть тождество; его могущество как предельно единое предельно крепко и бесконечно; а его совершенно единая длительность такова, что прошедшее в ней не иное для будущего, а будущее не иное для настоящего, но все суть нераздельнейше единая длительность, или вечность, без начала и конца, потому что начало в нем так велико, что и конец в нем — начало. Все это являет собой бесконечный круг, вечный без начала и конца, нераздельно единый и всеобъемлющий.

Еще. Поскольку это максимальный круг, его диаметр тоже максимален, а раз многих максимумов не может быть, такой круг до того един, что его диаметр есть окружность. Но у бесконечного диаметра бесконечна и середина, середина же есть центр; значит, центр, диаметр и окружность у такого круга тождественны. Наше незнание учится отсюда непостижимости максимума, которому не противоположен минимум и в котором центр есть окружность. Ты видишь, что простой и неделимый максимум целиком залегает внутри всего как бесконечный центр, что он извне всего охватывает все как бесконечная окружность и что он все пронизывает как бесконечный диаметр. Он начало всего как центр, конец всего как окружность, середина всего как диаметр. Он действующая причина как центр, формальная причина как диаметр, целевая причина как окружность. Он дарует бытие как центр, правит как диаметр, хранит как окружность,— и многое в том же роде.

65 Ты начинаешь понимать разумом, что максимум ничему в мире не тождествен и ни от чего не отличен, по что все в нем, из него и через него, поскольку он окружность, диаметр и центр. Не то что он есть круг или окружность, диаметр или центр; нет, он — только простейший максимум, который мы исследуем через эти уподобления, убеждаясь, что он охватывает все существующее и несуществующее, так что небы-

тие в нем есть максимальное бытие, как минимум — максимум.

Кроме того, он — мера всякого круговращения, например

превращения из возможности в действительность и возвращения из действительности в возможность, всякого сложения начал в индивиды и разложения индивидов на начала, всяких совершенных круглых форм и кругообразных действий и движений, происходящих вокруг себя и возвращающихся к началу, и всех вообще подобных вещей, единство которых состоит в некоем постоянстве круговращения ⁶¹.

66 Из фигуры круга можно было бы извлечь многое относительно совершенства единого, но для краткости пропускаю вещи, которые каждый на основании изложенного легко выведет сам. Прошу только заметить, что всякая теология имеет характер круга и опирается на круг, причем даже названия божественных атрибутов определяются взаимно друг через друга, образуя круг: например, высшая справедливость есть высшая истина, а высшая истина есть высшая справедливость, и так в отношении всего. Если захочешь продолжить отсюда разыскание, бесчисленные прежде скрытые истины теологии могут стать тебе совершенно ясными.

ГЛАВА 22

О ТОМ, ЧТО БОЖЕСТВЕННОЕ ПРОВИДЕНИЕ СОЕДИНЯЕТ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ

67 Впрочем, чтобы и на деле убедиться, как вышесказанное способно углубить наше понимание, применим его к разысканию о божественном провидении.

Поскольку, как очевидно из предыдущего, в боге свернуто все, даже противоположности, ничто не может избежать его провидения: сделаем мы что-нибудь, сделаем противоположное тому или ничего не сделаем — все уже было заключено в провидении бога. Поэтому ничто не случится иначе как согласно божьему провидению.

68 Потом, хотя бог мог предусмотреть в своем провидении многое, чего не предусмотрел и не предусмотрит, а также предусмотрел многое, чего мог не предусматривать, однако ничего ни добавить к божественному провидению, ни убавить от него нельзя. Возьмем

в сравнении. Человеческая природа проста и едина. Если даже

родится человек, рождение которого никогда не ожидалось, к человеческой природе ничего не прибавится, как ничего от нее не убавится, если он не родится, и как ничего не убавляется, когда умирают родившиеся; причина в том, что человеческая природа свернуто заключает как людей, которые существуют, так и людей, которые не существуют и не будут существовать, хотя могли бы. Точно так же, хоть бы случилось то, что никогда не случится, все равно к божественному провидению ничего бы по прибавилось, потому что оно свернуто заключает как происходящее, так и не происходящее, но могущее произойти.

Теперь, как в материи многое, чего никогда не произойдет, заключено возможным образом, так, наоборот, все, что не произойдет, но может произойти, пребывая в божественном провидении, пребывает там не потенциально, а актуально, причем отсюда не следует, что оно существует в [материальной] действительности. Как мы говорим, что человеческая природа имплицитно и заключает в себе бесконечное число созданий — ведь она охватывает не только людей, которые были, есть и будут, но и которые могут быть, хотя никогда не будут, и тем самым заключает изменчивое неизменным образом, подобно тому как бесконечное единство заключает в себе всякое число,— так божие провидение имплицитно и то, что произойдет, и то, что не произойдет, а только может произойти, в том числе противоположные события, подобно тому как род имплицитно соединяет в себе противоположные различия.

69 Наконец, все, что божие провидение знает, оно знает не поразному, не в зависимости от времени; ведь оно знает будущее не как будущее и прошлое не как прошлое, но вечным образом, и изменчивое — неизменным образом. В силу этой непреложности и неизменности ничто не может от него ускользнуть; недаром все относящееся к провидению считается необходимостью, и справедливо, потому что все в боге есть бог, а он — абсолютная необходимость. Таким образом ясно, что события, которые никогда не произойдут, пребывают в божественном провидении вышесказанным способом, хоть им не предусмотрено сбыться, и что бог необходимо предусмотрел в своем провидении

нии то, что предусмотрел, поскольку его провидение необходимо и

неизменно, хоть он мог предусмотреть и противоположное тому, что предусмотрел. Ведь с полаганием свернутого единства еще не полагается свернутая в нем вещь, но с полаганием развертывания [этого единства] обязательно полагается и его свернутость; скажем, хоть завтра я могу читать или не читать, что я ни сделаю, я не избежну провидения, охватывающего противоположности. Словом, что бы я ни сделал, все произойдет согласно божественному провидению.

Итак, вышеизложенное учение о том, что максимум предшествует всякому противоположению, поскольку так или иначе охватывает и свертывает все, позволило нам узнать нечто истинное о божественном провидении и других сходных вещах.

ГЛАВА 23

ПЕРЕНЕСЕНИЕ БЕСКОНЕЧНОГО ШАРА НА АКТУАЛЬНОСТЬ БОЖЕСТВЕННОГО БЫТИЯ

70 Надо еще рассмотреть вкратце то, что касается бесконечного шара.

А именно, мы обнаруживаем у бесконечного шара три сходящиеся в центре максимальные линии длины, ширины и глубины. Но центр максимального шара равен диаметру и окружности, и, значит, центр у него равен этим трем линиям; вернее, центр и есть все эти линии, то есть длина, ширина и глубина. Таким же образом простейший и бесконечный максимум будет всякой длиной, шириной и глубиной, которые в нем суть единая и простейшая максимальная неделимость. Как центр он предшествует всякой ширине, длине и глубине, и он же их конец и середина, поскольку в бесконечном шаре центр, ширина и окружность тождественны. Как бесконечный шар всецело действителен⁶² и совершенно прост, так максимум совершенным и простейшим образом актуален, и как шар есть действительность линии, треугольника и круга, так максимум — актуальность всего: всякое действительное существование от него получает всю свою актуальность и всякое существование существует действительным образом ровно настолько, насколько пребывает в его бесконечном акте.

71 Поэтому максимум есть форма форм и форма бытия, или максимальное актуальное бытие. Глубоко было прозрение Парменида, говорившего, что бог есть то, для чего быть всем, что есть, значит, быть всем тем, что оно есть⁶³. В самом деле, как шар есть последнее совершенство фигур, больше которого нет, так максимум есть совершеннейшее совершенство всего настолько, что все несовершенное в нем есть высшее совершенство, как бесконечная линия есть шар, а [бесконечная] кривизна — прямизна: составность в нем — простота, различие — тождество, инаковость — единство и так далее. Как может быть какое-то несовершенство там, где несовершенство есть бесконечное совершенство, возможность — бесконечная действительность и так далее?

72 Через подобие максимума максимальному шару мы ясно видим теперь, что он есть единая простейшая и точнейшая мера всей Вселенной и всего существующего во Вселенной, раз целое в нем не больше, чем часть, как шар не больше, чем бесконечная линия. Бог есть единое простейшее основание всего мирового целого, и как после бесчисленных круговращений возникает шар, так и бог, наподобие максимального шара, есть простейшая мера всех круговращений, ведь всякое животворчество, всякое движение и понимание от него, в нем и через него. У него одно обращение восьмой сферы не меньше, чем ее бесконечные обращения, потому что он — конец всех движений, в котором всякое движение успокаивается как в своей цели; ведь он есть максимальный покой, в котором всякое движение есть покой, и его максимальный покой есть так же мера всех движений, как максимальная прямизна — мера всех круговращений, а максимальное настоящее, или вечность, — мера всех времен.

73 Итак, все природные движения покоятся в боге как в конечной цели и всякая возможность осуществляется в нем как в бесконечном акте; и поскольку он бытийность всякого бытия, а всякое движение стремится к бытию, то он есть покой движения, его конечная Цель как последняя форма и действительность бытия. Все сущее стремится поэтому к нему; но поскольку вещи конечны и не могут быть в совершенно одинаковой мере причастны последней цели, то одни приобщаются к ней через посредство других, как линия воз-

водится к шару через посредство треугольника и круга, треугольник — через посредство круга, а круг — сам через себя.

Примечания

ОБ УЧЕНОМ НЕЗНАНИИ (DE DOCTA IGNORANTIA)

Дата завершения работы (12.2.1440) указана в ее конце. Время начала устанавливают по замечанию о том, что замысел ее возник когда автор возвращался морем из Константинополя (см. III, 263), где он был в 1437 г. в связи с подготовкой Флорентийской унии. Высказывалась догадка, что ведущая идея “непостижимого постижения” навеяна восточной патристикой, памятники которой Николай, немного зная греческий, интенсивно собирал в Византии. Вместе с тем осуществленный им философский синтез органически вырастает из поздней западной схоластики и немецкой мистики. Темы иерархии и мудрого устройства сущего, единства мира, отсутствия в нем абсолютной точности прослеживаются в его ранних трактатах “О католическом согласии” (1433), “Исправление календаря” (1436), в двадцати написанных до 1440 г. беседах. Выражение *docta ignorantia*, как указано в “Апологии ученого незнания” (18), заимствовано у Августина.

Непереводимое на современные языки однозначно, оно имеет смысл просветленного, мудрого, сведущего, знающего незнания — ср. нем. *Von der Wissenschaft des Nichtwissens* (“О науке незнания”, Шарпф), *Die belehrte Unwissenheit* (“Сведущее незнание”, Вильперт), *Die wissende Unwissenheit* (“Знающее незнание”, Дюпре), чеш. *Vedení o nevedení* (“Знание о незнании”, Флосс). В настоящем издании сохранено название, принятое в известном переводе С. А. Лопашова (Николай Кузанский. Избранные философские сочинения. М., 1937).

Книга I

¹ В согласии с неоплатонической традицией область разумного бытия, в целом противопоставляемая чувственному, в свою очередь подразделяется у Николая Кузанского на а) разум в высоком смысле творческого понимания, духовно сливающегося со своим объектом (*intellectus*, условно передаваемый нами также как “интеллект”), и б) логическую рациональность, рассудок (*ratio*). — 49.

² Смысл заголовка уточнен в Апол. уч. незн. 26. — 50. ³ Соответственно значению латинского *numerus* (“соразмерность, гармония, порядок, достоинство”) *число* надо понимать прежде всего как пронизывающий мировую действительность ритм (“бытийное число, из которого понятие математического числа извлекается по подобию”, см. Беседа 198; ср. также Прост. об уме 6, 88). В философском языке средневековья *numerus*, кроме того, — индивидуальная особенность вещей одного рода и вида. — 51.

⁴ О Пифагоре см. *Аристотель*. Мет. I 5. — 51. ⁵ *Сократ убедился* — см. *Платон*. Апол. Сократа 21 d, 23h, 29ab (ср. Прост. о мудр. I 4 и прим. 7). *Соломон утверждал* — см. Еккл. 1, 8. *Еще один муж* — см. Иов 29, 20. — 51.

⁶ См. *Аристотель*. Мет. II 1, 993b 9—11. — 51.

⁷ См. также Апол. уч. незн. 18 слл. — 51. ⁸ О *единстве* как *бытии* см. I 8, 22. Равенство *бытие = единое = максимум* придает новую жизнь древней философеме, вошвы-

шей в средневековую мысль через Аристотеля (см. Мет. IV 2, 1003b 23; VII 16, 1040b 16). — 51.

⁹ Ср. II 4, 112. Варианты перевода термина *contractio* — конкретизация, определенность, стяженность. — 51.

¹⁰ *Обитает в непреступном свете* — см. I Тим. 6, 16. — 52.

¹¹ Т. е. раз *единство* не может воплотиться ни в одной ограниченной *вещи*, необозримое *множество* вещей отразит его все-таки лучше, чем конечное число их. Ср. с трактовкой причастности как воспроизведения, О предп. I 11, 59. — 52.

¹² К термину *влияние* см. II 12, 167—168; 172—173. — 53.

¹³ Т. е. точное равенство в мире абсолютно невозможно. Это придает вещам неповторимую индивидуальность, см. II 1, 188. — 53.

¹⁴ Ср. I 16, 43; О сокр. бож. 9; 11; 0 предп. I 5, 20—21. — 55.

¹⁵ Или “... как вовсе не свет”. Ниже несколько раз та же игра с двумя значениями наречия *mini me*. — 55.

¹⁶ Т. е. *максимальность* — не количество определенного бытия, а само по себе бытие. Не будучи ничем из сущего (и в этом смысле совпадая с минимумом), она обеспечивает всякое существование вещей. — 55.

¹⁷ I 24, 74-26, 89. - 55.

¹⁸ См. выше прим. 3; О предп. I 2, 7—9. Ср. у Августина:

“Начиная мыслить, ты начинаешь исчислять” (Толк. на Еванг. от Иоан. 39, 4); вещам “присущи формы, поскольку им присуще число; отыми это у них — они превратятся в ничто” (О своб. воли II 164). — 56.

¹⁹ Об *актуальной конечности числа* см. О предп. I 10, 50 и прим. 39. — 56.

²⁰ Т. е. невозможность актуально дойти в *числе* до бесконечности (ср. II 1, 96) убеждает, что предел числа не число. — 56.

²¹ Т. е. оно — бытийное, а не математическое число. — 56.

²² Втор. 6, 4; Матф. 23, 8—9. — 57.

²³ Ср. I 3, 9; Охота за мудр. 26, 79. — 57.

²⁴ Это и следующее *рассуждения* не имеют соответствий среди доказательств бытия бога у Фомы Аквинского. Первые три (I 6, 15—16) напоминают такие же три в “Сумме теологии” I q. 2,3с. — 58.

²⁵ *Сиссениты* — вероятно, эссеи. Но эту ближнеазиатскую религиозную общину упоминает не Варрон, а Иосиф Флавий (“Иудейские древности” XV 371; XVIII 18). — 58.

²⁶ Трактовка *Троицы* здесь восходит к Августину с его *един-ством-равенством-согласием* (“О христианском учении” I 5). —• 61.

²⁷ I 24, 79-80; О предп. II 17, 171-183. — 62.

²⁸ У *Марциана* Капеллы *отбрасывает круги и сферы* филология, и источником Николая здесь считают Иоанна Солсберий-ского, при цитировании заменяющего ее *философией* (“О семижды семи” 7). — 62.

²⁹ Ср. Рим. 1, 20 (“*невидимое* Его через рассматривание *творений видимо*”); *Дионисий Ареопагит*. О Божиих именах 2, 6; 7, 3. *Как в аеркале и подобии* — см. 1 Кор. 13, 12. — 64.

³⁰ Г 1, 2—4 и прим. 3. — 64.

³¹ См. *Бозэций*. Об установлениях арифметики II. — 65.

³² См. там же 2; *Августин*. К Оросию против Присциана и Оригена 8. Ср. выше прим. 3 и 18. — 65.

465

³³ Мет. VIII 3, 1043b 33 слл.; О душе II 3,414b 29 слл. - 65.

³⁴ См. *Августин*. О количестве души 8—12. — 65.

³⁵ Излагается по Альберту Великому (Метафизика I 3, 14-4,2). - 65.

³⁶ *Ансельм Кентерберийский*. Диал. об истине 10—11. — 66. ³⁷ Ксенократ (фр. 23 по Хейнце), Прокл (Коммент. на I кн. Евклидовых “Начал” 168,14 по Фридлейну), Пселл (“О действии демонов” 11) уподобляли божество равностороннему *треугольнику*, но *треугольник о трех равных прямых углах* до Николая неизвестен. — 66.

³⁸ Сравнения *бога с кругом и шаром* есть у Генриха Сузо (“Житие” 51), в “Песни о Троице” анонимного немецкого мистика, у Экхарта со ссылкой на Гермеса Трисмогиста. — 67.

³⁹ См. О мист. теологии 1. — 72.

⁴⁰ См. О бож. именах 5, 8. — 72.

⁴¹ См. О мист. теологии 5. — 72.

⁴² См. Письмо к Гаию 1. — 72.

⁴³ Как и ниже I 24, 82 и I 26, 87, *Саломону* Исаакиду (Раши) приписывается книга Моисея Маймонида “Путеводитель колеблющихся”, откуда взяты обе цитаты (I 57 ел.). — 72.

⁴⁴ I 3, 9; 16, 42; 45. — 73.

⁴⁵ Мет. X 1, 1052b 18. — 74. ⁴⁶ См. О бож. именах 5, 8. — 74.

⁴⁷ Ошибка автора: о *единстве* “неба” у Платона см. “Тимей” 31a. — 74.

⁴⁸ См. I 3, 9 и др. — 75.

⁴⁹ См. О небесп. иерархии 2, 3; О бож. именах 1, 1; 5. — 76,

⁵⁰ См. “О душе” I 5, 411a 5—6. — 77.

⁵¹ См. Катег. 5, 3b 33 - 4a 21. — 77.

⁵² Мет. V 7, 1017a 6 слл. — 77.

⁵³ См. О бож. именах 1, 1; 5, 8. — 77.

⁵⁴ *Отрицания вернее утверждений* — см. I 26, 89. — 78.

⁵⁵ У *Августина* есть сходные мысли (“О Троице” VI 7;

VI 10; VIII 1), но источник цитаты другой (см. Апол. уч. незн. 35). - 79.

⁵⁶ Ср. у Экхарта: “Поскольку все *в божестве*, то как он *неразделен* в своей природе и вместе абсолютно отделен от всего в мире, так все в нем пребывает вместе и абсолютно отдельно и нераздельно” (из неизданной рукописи, сохранившейся в библиотеке Николая (Cod. Cus. 21, f. 138v) с записью рукой владельца на полях: “Заметь, что вместе отдельно и нераздельно”). — 79.

⁵⁷ Ср. Иоан. 10, 38. — 80.

⁵⁸ Подразумевается: *другим* для всякого другого (все равны). — 80.

⁵⁹ I 7, 18 — 9, 26 и вся гл. 19. — 80.

⁶⁰ *Треугольник есть круг* — см. I 15, 40. — 82.

⁶¹ О *круговращении* сущего см. III 1, 187 и прим. 2. — 84.

⁶² Об исчерпании возможностей линии в *шаре* см. I 13, 36. - 86.

⁶³ *Deum esse cui esse quodlibet quod est est esse omne id quod est*. Формула создана средневековыми излагателями *Парменида*, см. *Иоанн Солсберийский. О семижды семи 7; Псевдо-Беда*. Комментар. на кн. Боэция “О Троице” (PL 95, 397c). — 87.

Кузанский Н. Об ученом незнании.//Кузанский Н. Соч. 2-х т. - М.,1979 - Т.1, С.50-58, 64-88.